

Елена ТРУХАН

ЛИЦОМ К СОЛНЦУ

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне Кемеровское отделение Союза писателей России и Кузбасский центр искусств при поддержке Министерства культуры и национальной политики Кемеровской области подготовили к печати книгу «Солдатская память» кузбасского писателя-фронтовика, лауреата Сталинской премии Александра Никитича Волошина (1912–1978). Сбор текстовых и фотодокументальных материалов к ней осуществила его дочь Наталья Александровна Герасимова (Волошина). Она же стала автором биографии и обзорной статьи о прозе военной тематики в литературном наследии отца. Редактировал новое издание известный кемеровский журналист и писатель

Андрей Королёв. Мне тоже посчастливилось прикоснуться к этой удивительной книжной и очень человеческой истории...

Солидный том «Солдатской памяти» включает прозаические и публицистические произведения: повесть «Зелёные Дворики» (1976), киноповесть «Восток пламенеет» (1956), фрагменты романов «Земля Кузнецкая» («Данилов» и «Тоня», 1949) и «Всё про Наташку» («Где-то у Одера», 1967), рассказы «Утро» (1942), «Нюра» (1970), «Солдатская память» (1971), «На Висле» (1976), очерки «Верное сердце солдата» (1970), «Свет этих дней» (1975), «Парламентёры» (1975), а также заметку-рецензию «Вершины трудного счастья» (1975). Как видим, в своем творчестве писатель постоянно возвращался к событиям и впечатлениям фронтовых лет.

Ярким лучом в этой тематической подборке засиял для меня рассказ «Утро» – единственный, написанный А. Н. Волошиным в военное время, еще и потому особенно ценный. Он был опубликован в 1942 году в литературно-художественном альманахе «Новая Сибирь» (Книга № 13).

113
Дочь прозаика до последнего времени считала, что альманах выходил в Новосибирске. На самом деле – в Иркутске. По-видимому, сбилось с толку название: раз «Новая Сибирь» – значит, Новосибирск. К тому же этот город действительно сыграл важнейшую роль в литературной судьбе Александра Никитича – благодаря журналу «Сибирские огни». С ним Волошин сотрудничал с первого рассказа «Два товарища» (1939) до конца жизни, опубликовал в нем самый известный свой роман «Земля Кузнецкая», удостоенный Сталинской премии, более двадцати раз переиздававшийся, переведенный на многие языки.

13-я книга альманаха «Новая Сибирь» за 1942 год с волошинским рассказом «Утро» обнаружилась в Иркутской областной научной библиотеке имени И. И. Молчанова-Сибирского. Среди его авторов, в числе других знакомых литературных имен, мелькнул К. Ф. Седых со стихотворной подборкой на патриотические темы: о зловещих пожарах на Руси в пору татаро-монгольского ига и несломленном Новгороде Великом, о лихом казаке, убитом вместе с конем под Полтавой, о подвиге простого иркутского парня Проньки Подкорытова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского ДЗОТа... Но все же общесоюзную известность Седых получил не как поэт, а как автор романа «Даурия», которым в 1950–1960-е годы зачитывались подростки, мечтавшие о подвигах и приключениях, и их вернувшиеся с фронта (или с сибирских лесоповалов) отцы. Среди них был и новокузнецкий прозаик Владимир Нунувахин: его отчим и будущий персонаж повести В. Э. Кеплер, переживший годы репрессий, любил читать «Даурию» вслух. Кстати, первые ее главы

еще до войны увидели свет в том же альманахе «Новая Сибирь».

Пути Седых и Волошина, бесспорно, пересекались. И, вероятно, не раз. Стоит вспомнить, что оба в одном году – 1950-м – получили Сталинскую премию по литературе. И еще то, что военный фотоснимок Константина Седых с давних пор хранился в семье Волошиных. Он вложен в наградную книжку Александра Никитича, а рядом фиолетовыми чернилами записан домашний адрес собрата по перу: «Иркутск, Профсоюзная – 54, Седых Конст. Фед.».

Но насколько тесно было это знакомство, переписывались ли они, достоверно сказать невозможно. Дочь Волошина Наталья Александровна сообщила: «...никаких следов их общения, кроме фотографии и записи иркутского адреса Седых, у меня в архиве нет. И мама тоже не помнит существования контактов между ними. Вероятно, они встречались на церемонии вручения премии и в Доме творчества в Голицыно. В нашей домашней библиотеке есть «Даурия», изданная в 1953 году, без дарственной надписи. Можно только предполагать, что личное знакомство было еще фронтовое...». Что ж! Они вполне могли «пересечься», когда К. Седых в качестве корреспондента армейских газет «На боевом посту», «Героическая красноармейская» бывал в различных воинских частях. Или при других обстоятельствах, например, подготавливая материалы для того самого иркутского альманаха...

Переворачиваю страницы «Новой Сибири» и, кажется, сквозь них всё отчетливее вижу знакомую фигуру... Да, это гвардии старший сержант, боец-сапер Белорусского фронта Александр Волошин! В гимнастерке, галифе и кирзовых сапогах, сидит, закинув ногу на ногу. Точь-в-точь как на фотографии из его семейного альбома! Уютно устроился на маленькой скамейке возле побитого обстоятельствами и временем здания, вскрыл только что полученный большой конверт и с упоением погрузился в чтение какого-то журнала...

В 1942-м советские войска еще отстают, несут тяжелые потери. Блокирован Ленинград, безуспешно завершилось Харьковское сражение, оставлены Севастополь, Керченский полуостров, Донбасс, правый берег Дона... 28 июля И. В. Сталиным издается Приказ о решительном усилении сопротивления врагу, вошедший в историю как «Ни шагу назад!». Трудно представить, но между этими глобальными событиями, накануне Сталинградской битвы, до коренного перелома в Великой Отечественной, Александр Волошин создает и публикует свое «Утро». И все эти события, прошлые и грядущие, в произведении молодого автора звучат! Повествование уместается всего в две печатные страницы, но какой броневой по своей энергетической силе заряд несет в себе этот малый (как

жанрово определили бы его литературоведы) рассказ! Какую суровую правду открывает, какую невероятную жажду жизни внушает!

Художественные особенности рассказа «Утро», безусловно, определяют время и обстоятельства его создания. Война не позволяет долго размышлять, «растекаться мыслью по древу». Отсюда – жанровый минимализм, лаконичность и простота. «Но разведчики знали, чего стоила ему эта простота»... Автор на фронте должен успеть всё: пережить, ухватить важное и быстро уложить мысли и чувства в текст. Передовая не дает расслабиться, спрятаться за красивое, но пустое слово, сфальшивить: всё на виду! В «Утре» нет витиеватых фраз, громоздких конструкций. Голос автора звучит легко и ясно, но при этом весомо, мощно. К чему усложнять, если любая строка может стать последней?..

Из обычного, ничем не примечательного начала дня Александру Волошину удается создать нечто особенное – самое прекрасное, самое драгоценное в мире утро. Утро, в которое особенно хочется жить. И проживаются всеми эти краткие первые мгновения наступившего дня как единственные и последние. В повествовании нет сомнений и полутонов, всё без остатка, всё на грани жизни и смерти, всё, как в последний раз.

Я долго размышляла: почему Волошин именно так – просто, будто подчеркнуто безыскусно – назвал свой рассказ? Ведь дело, наверное, не только в следовании традиции предельно сжатой, сдержанной военной литературы?

Утро всегда несет освобождение от оков ночи и сна. Это торжественная победа сил света над тьмой после долгого их противостояния. Именно утром происходит закономерное утверждение солнца над мраком. И в этом смысле значение образа выходит за рамки простого обозначения времени суток, помогает прочесть авторскую мысль о неизбежной победе добра над злом, нашего народа над фашизмом. Кстати, и после войны Волошин будет использовать этот образ применительно к произведениям военной тематики. Например, в названии киноповести «Восток пламенеет». По сути, оно синонимично «Утру»: наступает время восхода солнца, рассвета, освобождения от мрака.

Утро возобновляет жизнь, внушая всему живому позитивный настрой и оптимизм. С этой новизной связываются надежды на лучшее, более счастливое будущее. В этой простой истине – мудрость природы и мудрость народа, утверждающего, что «Утро вечера мудренее», что «Доброе утро приносит добрый день», и «Кто с вечера плачет – поутру засмеется». Поэтому и боец Матвеев, вышедший из землянки, преодолевая боль, умирает поутру, «лицом к солнцу», отдавая жизнь новым поколениям, во имя светлого будущего. Умирает, не обрекая других

заботой о себе, ибо «Умирать – и то день терять», а «Двум смертям не бывать, одной не миновать». Никак иначе.

Древние славянские, русские национальные корни «проросли» и в других художественных элементах этого рассказа. Сила богатырская, былинно-сказовая играет в главном герое: «Если стоял, то крепко стоял, обе ноги упирая в землю, и как будто утверждая свое извечное право на нее». Эта сила очень точно подмечена Натальей Герасимовой в статье о военной прозе отца. Но текст «Утра», на мой взгляд, ведет нас еще дальше и глубже. Вот Матвеева после ранения доставляют в расположение части. И это действие сразу вызывает ассоциации со старинным русским обрядом – внесением в дом и положением под образами умирающего (или покойника): «Его принесли под утро. Положили в землянке на чистую простыню. Он молчал, плотно закрыв глаза, сжав губы, напрягаясь в борьбе с раздирающей болью». В теле бойца – три пули, а это число для любого русского сакральное, имеющее особую магическую силу. Вспомним появление этого числа в нашем устном народном творчестве: три испытания, три желания, распутье трех дорог, три царевны-сестры, троекратный поцелуй... Три пули бьют наверняка, тройной удар смертоносен для богатыря. Но именно после него и начинается великий подвиг героя: подняться с постели, как со смертного одра, с тремя пулями в теле, пройти несколько шагов до березки – самого узнаваемого символа России, и свое слово молвить – да так, чтобы все услышали...

По сути, Волошину удается создать образ красной (прекрасной) смерти русского воина. Мы как будто торжественно и скорбно восходим по ступеням: смерть на миру, которая, как известно, всегда красна, смерть бойца Красной армии и смерть русского человека поутру, в красных лучах восходящего солнца.

«Сложен, даже порой загадочен герой Волошина. Казалось бы, вот он весь: и внешность, и характер, прошлое и настоящее подробно представлены читателю. Но остается некая тайна...», – резюмирует Н. А. Герасимова. И правда, остается. Быть может, это и есть тайна русской души, которую упорно стремятся разгадать классики и современники отечественной и зарубежной литературы?

Вроде бы всё предельно ясно: в центре произведения – подвиг бойца-разведчика Матвеева в одно будничное фронтовое утро очередного года Великой Отечественной войны. Но читается он и как подвиг его друга-пулеметчика Николая Мартынова, и как подвиг их роты, их батальона и всего нашего народа. Личностная позиция главного героя изначально исключает «я», утверждает только «мы». Это один из непререкаемых законов жизни и литерату-

ры военного времени: «Матвеев не говорил «я», он говорил: «мы только что из разведки» или «мы ночью даванули трех гитлеряков». И даже соблюдая строго форму служебного рапорта о выполнении дела, порученного лично ему, он всегда умудрялся так построить доклад, что на первый план выдвигались его боевые помощники. Отправляясь с вечера в расположение немцев, он обыкновенно говорил мимоходом другу-пулеметчику:

– Ну, Коля, мы пошли. Всего!»

Слово автора, пишущего на передовой, сознательно или бессознательно питается коллективным духом, народным «хором». Говоря словами Волошина, каждого бойца, «можно сказать, весь народ на это дело посылает». И каждый своим обликом, своими поступками воплощает думы-чаяния всего народа. Вот мы рисуем в воображении разведчика Матвеева: простой «светловолосый русский парень», «с широкими жемами, которыми любил подчеркивать короткую и решительную речь», с «глазами удивительной глубины», «человек ясной и прямой жизни». В этом облике нам всё знакомо, через такой портрет, написанный в русской традиции, мы легко узнаём «своего», того, кто, оставаясь собой, воплощает лучшие и типичные черты народного характера. А. Н. Волошин умело использует нужные словесные штрихи, дорисовывает образ краткими фразами диалогов и мини-историй. Минимум художественных средств, простота синтаксических конструкций. Наверно, такое соотношение и создает энергетическую «бронейность» военного текста, мощь его воздействия на читателей.

Есть в портрете героя и особенный колорит – сибирский: «Коренастый, он был удивительно легок в походке и, как таежный зверь, стремителен на удар». Но вспыхивает эта дополнительная краска, словно искра, и сразу «тонет» в общем, национальном: «Голову носил высоко»... Какая емкая характеристика!

Уже после войны, словно припомнив разведчика Матвеева, Александр Волошин воплотит его приметные черты в другом герое, исполненном «горячего желания поскорее присмотреться к родной земле, надышаться ее ароматами», – сержанте Данилове из романа «Земля Кузнецкая»: «Маленький, крепко сбитый Данилов очень прямо носил свою русую вихрастую голову. На его узком, подвижном лице светились синие пристальные глаза».

В рассказе «Утро» открывается и православная сторона русской солдатской души. Только прячется она глубоким подводным камнем в неказистой фразе, которую то и дело повторяет тяжелораненый боец: «Вот, черт... катавасия». Кажется, что такого? Нелепая присказка, которая как привяжется, так и не согнать ее с языка. Не более. Советский воин воспитан как атеист, без религиозных предрассудков, и, на

первый взгляд, употребляет это слово в обычном просторечном сетовании, имея в виду суматоху и беспорядок, что внесло ранение в его выверенную и понятную прежде жизнь. Но в то же время чувствуется, что «катавасия» – то самое слово, которое «не воробей». И «прилетело» оно в текст Волошина не случайно. Это слово наверняка хорошо знакомо писателю с детства, передалось от старших родственников, воспитанных в вере в Бога, регулярно посещавших церкви, соблюдавших православные нормы и правила, праздники и посты. Ведь в православном богослужении катавасия – это церковное песнопение, которое поется на утрене, в заключение канона. Здесь – еще одна удивительная точка соединения предсмертного бреда солдата с названием рассказа (утро – утренняя песнь), с крепкими корнями его православного рода, с природой, несмотря ни на что наполняющей линию фронта птичьими голосами и ветерками-песнями, с русской землей, на которой так отчаянно хочется жить.

После каждой песни канона в храмах следовала соответствующая катавасия. Завершается жизненная песнь Божьего человека Матвеева («Матвей» в переводе с древнееврейского – «дарованный Богом», «Божий человек»), его земной канон. Вот-вот зазвучит для воина подобающая ему катавасия – исполненная звуками пуль, напоминающими «шмелиный высвист над головой», «раздирающим утро грохотом» разорвавшихся снарядов, «трескотней автоматов из лесочка», «непрерывным полосканием залпов»... И герой рассказа, предчувствуя и осозная это, как некогда певчий в древней Византии, спускается в центр военных событий для «совместного пения» и берет первую точную ноту, «не находящую исхода, какую-то горячую, беспокойную мысль»:

– Ребятки, родные! <...> Двиньте вы их по зубам...

Он умирает в двух шагах от березки – символа Руси, лицом к солнцу. И, что важно, принимает смерть как настоящий русский воин – выйдя ей навстречу, глядя ей в глаза...

Герой умирает, но его дело, как знамя, подхватывает верный друг – Николай Мартынов, тоже человек с говорящим именем. «Николай» – значит «победитель народов» или «побеждающий народ». А «Мартынов» в переводе с латинского – «воинственный» или «принадлежащий к воинам». Очень символично звучат имя и фамилия боевого товарища в художественном пространстве рассказа и военных обстоятельствах 1942 года. Ратное дело Матвеева продолжают и другие бойцы, автором не названные, но такие же русские – побеждающий народ... Наступая на врага, опрокидывая и сминая его, они «убивают и умирают молча». «Кто родит-

ся – кричит; кто умирает – молчит», «Живи – не тужи, помрешь – не заплачешь», «Смерть не свой брат – разговаривать не станешь»...

Что здесь еще добавить?

Разве только то, что образы верных сынов Отчизны никогда не оставляли Волошина равнодушным. Он изобразит их не только в прозе, но и в публицистике. В 1975 году Александр Никитич, сообщив об открытии в Кемерове художественной выставки, посвященной 30-летию Победы, главное внимание обратит на живописное полотно Виктора Егоровича Цибарева «Парламентеры»: «Давящая, сторожкая обстановка штабного бункера. Черный с багрянцем фон. Три немецких офицера во главе с комендантом, и перед столом – два советских парламентаря, два офицера: подтянутые, лица молодые, русские, в глазах строгий, предупреждающий свет. За ними – Родина, армия, за ними – жизнь».

Писатель был знаком с этой картиной еще до вернисажа, видел ее в мастерской художника. Она его поразила, взволновала и вдохновила на создание одноименного газетного очерка. А нас, издатель «Солдатской памяти», – на поиски полотна для его репродукции в юбилейном сборнике.

Несколько запросов по разным электронным адресам, почти двухнедельное молчание... И вот, наконец, – письмо от вдовы художника Галины Иннокентьевны Цибаревой и ее внучки Леры. Они сообщают, что картина эта хранится сейчас в Псковском государственном объединенном музее-заповеднике, и что ее фотография имеется в семейном архиве. Семья, по их словам, рада предстоящему выходу книги военных произведений известного писателя, они «благодарны А. Н. Волошину за такое внимание к картине «Первые советские парламентары М. Д. Шишкин, И. В. Смирнов».

«Я была свидетелем создания этой работы, – вспоминает Галина Иннокентьевна. – В. Е. наладил переписку с героями этой картины. Они выслали ему свои фотографии того времени. Вместе с мужем мы ездили в Москву для сбора материала в «Музей Вооруженных Сил СССР», фотографировали кители Гитлера и других высших лиц его окружения военного времени. В. Е. был очень увлечен этой темой. Работал с большим вдохновением. В последнем письме от семьи М. Д. Шишкина сообщалось, что он умер в тот же день и час, когда ходили с ультиматумом в логово к немцам. Можно предположить, что пережили наши герои-офицеры».

И вновь мистическая и магическая символика чисел, сопутствующая жизни настоящих русских героев.

г. Новокузнецк